

Джозуин Анн

Десять лет тишины

16+

Виктория (Джолиан) Васильева (Лин)

Десять лет тишины

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Васильева (Лин) В. А.

Десять лет тишины / В. А. Васильева (Лин) — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Вы знаете, что такое абсолютное одиночество? Вы можете представить, что произойдёт с психикой ребенка и подростка, на протяжении нескольких лет оказавшегося полностью изолированным от общения? Рассказ основан на реальных событиях. Более того, около 65 % событий и переживаний, изложенных в рассказе, имели место в действительности. Вам может быть тяжело это читать. Но если уж решились - приготовьтесь...

© Васильева (Лин) В. А., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Десять лет тишины.

По утрам страшно и хочется плакать.

Серый пасмурный рассвет тускло проглядывал сквозь пыльное оконное стекло. Ночные тени отступали, расползаясь по темным углам, прячась за шкаф и под кровать, скрываясь между книжных страниц. Дневной свет неторопливо проявлял узор на старых выцветших обоях, которые когда-то может быть и были зелеными, а теперь местами покрылись желтоватой плесенью, а по углам отклеились.

Западную стену, что оставалась темной даже в ясные дни, «украшало» мокрое пятно необъяснимого происхождения. Пятно это, формой и размером походившее на отпечаток ладони, постоянно сочилось бурой вязкой жидкостью, потёки которой сползали до щелястого деревянного пола. На кровати, находящейся около той жутковатой стены, лежала моя парализованная мать.

Я валялась на своей кровати, не мигая пялясь в окно. В поле зрения попадал малоинтересный пейзаж: наглухо затянутое тучами небо и затопленный осенними дождями луг. Я смотрела в окно только по той причине, что там было светло, там был живой мир, отличающийся от могильного мрака, сырости и затхлости этой комнаты. Я вглядывалась в пейзаж за окном, но холодящий страх оставался внутри меня. Пытаясь понять причину страха, я прислушивалась к ощущениям собственного организма. Ледяное оцепенение сковало мое тело. Я боялась пошевелиться. Вернее, боялась, что пошевелиться не получится. Слабый, еле ощутимый, редкий стук сердца... а что, если он мне мерещится? Нет, не может быть. Я жива.

Глаза устают и начинают болеть, но я боюсь закрыть их, страшно вновь провалиться в бесформенный, зловонный, извивающийся, змеиный и шипящий кошмар, который постоянно настигает меня перед рассветом.

Но на рассвете становится еще хуже. До сих пор не могу привыкнуть к этой тишине. Я напрягала слух в надежде уловить хотя бы малейший звук. Писк запоздавшего комара, шорох мыши на кухне, шум ветра в кроне чахлах деревьев хилого сада, окружавшего этот полуразвалившийся дом. Спокойное дыхание спящей матери, ее пробуждение и просьба дать ей стакан теплой воды с лекарством, да хотя бы упавшая с потолка капля – любой звук принес бы жизнь в мой разум. Но ожидаемого звука не было. Больная мать дышала настолько тихо, что услышать дыхание можно было лишь вплотную. Сказать она ничего не могла: болезнь наложила печать немоты. Когда ей что-либо требовалось, она издавала мычание, похожее на стон. Но обычно я кормила и поила ее, что называется, по часам.

Кстати, о часах. Они не тикали. Стрелки на круглом циферблате допотопного механического будильника передвигались абсолютно беззвучно. Нужно узнать время. Чтобы взглянуть на часы, необходимо повернуть голову. Но я продолжала глазеть в окно, пока до меня не дошло, что мир там, снаружи, также мертв. От осознания этого мое сердце испуганно заколотилось. Нужно самой породить звук, начать движение, быть живым существом в этом застывшем мире!

Я резко села. Кровать тут же отозвалась скрипом пружин. Всё нормально, всё нормально, всё хорошо, всё так же бессмысленно, как всегда. Начинается очередной никчёмнейший день моего бесполезного существования.

Я не приношу пользу обществу и даже не стремлюсь к этому. У меня нет ни друзей, ни знакомых, мой единственный родной человек – мать в состоянии «овоща» – не вызывает никаких теплых чувств, скорее раздражение. Уж померла бы наконец, хватит мучиться, за что ей такое наказание. Куда проще взять нож или топор, и прекратить ее страдания, всё равно надежды на выздоровление нет. Это поначалу я что-то делала... когда надежда была. Надежда на благополучный исход... что опять мы будем бегать вместе по лесам, за грибами да ягодами, заниматься огородом, по субботам ездить за 70 километров в ближайшее село на вечера культуры. Болтать, играть, читать книги... этого больше не будет. Никогда. Никто еще не умер, но потеря уже свершилась. Когда я думала об этом, в груди что-то сжималось, к горлу подкатывал ком, глаза щипало, но слезы не появлялись. Казалось, будто они копятя внутри, чтобы когда-нибудь пролиться водопадом. А пока я зависла в ожидании перемен, которые обязательно произойдут.

И снова тихо. Но теперь тишина не пугала. Я уже не хотела нарушать спокойствие замершего дома. Встав с постели, я осторожно, чтобы не заскрипели половицы, приблизилась к матери. Ее глаза на очень худом, осунувшемся лице, были открыты и неподвижно смотрели в одну точку. Наверное, ей тоже страшно: она слепа уже несколько лет, она даже спать может с открытыми глазами, но я регулярно на ночь опускаю ей веки, однако наутро снова приходится наблюдать эти белесые зрачки.

Согласно ежедневному распорядку, я убрала одеяло и осмотрела больную. За долгие годы полной неподвижности женщина сильно похудела, мышцы конечностей атрофировались. Серая кожа была грубой и твердой на ощупь, словно старая мозоль. Хорошо что прошли те синие пятна и страшные смердящие язвы на спине и ягодицах. Я нечасто ее переворачивала, оттуда и возникли пролежни. Когда она еще могла говорить, то утверждала, что ей удобнее всего лежать на спине, и просила не трогать ее, так как любое шевеление причиняло ей боль.

Конечно, трогать и переворачивать больную приходилось, но я старалась свести к минимуму неприятные ощущения. Но как-то раз я перевернула ее на левый бок и оставила так на всю ночь, и что-то явно сделала не так, поскольку наутро левая рука посинела, а через неделю почернела и с пальцев слезли ногти. С тех пор подобных экспериментов я не повторяла.

От больной исходил неприятный запах. Наверное, завтра помою ее. То есть, хорошенько оботру влажной тряпкой с мылом. Такое «умывание в тазике» являлось недостаточно эффективным, поэтому запах возвращался уже на следующий день после мытья.

Я проверила подкладную пеленку. Ничего, кроме сгустка коричневатой слизи. Ну да, испражнялась женщина редко, потому что ела тоже ох как нечасто, да и то только одну жидкую пищу, ибо жевать и вообще двигать челюстями была неспособна. К тому же, часть пищи необратимо отторгалась организмом и оказывалась около рта и на воротнике.

Я дала ей ложку лекарственного сиропа, дала запить стаканом травяного чая, поменяла слюнявчик, и на этом мои заботы на ближайшие часа два были закончены.

Теперь можно заниматься своими делами, то есть, никому не нужным времяпрепровождением. Всё, что я делаю, интересно только мне. Зачем, например, я каждый день записываю сны? Почему мои сны всегда с продолжением, почему там у меня есть жизнь, которой никогда не будет в реальности? Почему невозможно уйти туда насовсем? Зачем мне даже там осозна-

вать, что это сон? Даже в мире фантазий, осознавая свою никчемность, не получается расслабиться. Конец близок, но он не принесет избавления... один этап просто сменится другим...

По мотивам своих снов я пишу книги и зарисовываю виденные во сне фантастические, инопланетные пейзажи. Не знаю, получается ли у меня рисовать: мне сравнивать не с чем, в доме совсем нет картин. А вот писать я точно не умею. Мои книги больше похожи на сценарий для какой-нибудь примитивной комедии ужасов. Неправильный взгляд на вещи, неуместный юмор (да, юмор, правда, в основном черный, да и хочется, чтобы хотя бы на бумаге имелось то, чего нет в жизни), да еще жестокость, цинизм и безразличие. В моих бумагомарательствах нет никакого толка. Рисунки никто не увидит и тем более не оценит. Книги не достойны внимания. Это нельзя назвать творчеством. Это ерунда ради собственного развлечения. Вместо того, чтобы бросить всё (а есть ли вообще что бросать?) и уйти к людям, несмотря на огромное расстояние, я остаюсь здесь...

Однако, я добьюсь всего, чего хочу. Вопрос в том, хочу ли я чего-нибудь. Или убеждаю себя в том, что чего-то хочу. Распланировав обязанности по часам, я убиваю свободное время, занимаясь дурацким любимым делом. С тем же успехом можно было и вовсе не вставать к кровати и ничем не заниматься. Я и при жизни – не человек, а кусок гнилого мяса. Иногда – особенно по утрам – это ощущается настолько явственно, что по телу начинают ползать маленькие белые червячки. Когда встаю, они падают с одежды и пропадают, видимо, проваливаясь в щели между половицами.

Днем я была счастлива, радуясь хотя бы тому, что жизнь течет спокойно и сегодня не хуже, чем вчера. Внешние обстоятельства, которые могли нарушить сложившийся годами распорядок, отсутствовали. Если они возникали, я с ними справлялась. И стагнация оставалась неизменной. Да-да, стагнация. Задолго до этой истории, меня считали умным и не по годам смышленным ребенком. Но теперь мой интеллект не развивался. Конечно, я много читала, чуть ли не наизусть выучив все книги, что были в доме и в двух соседских заброшенных домах этой много лет назад вымершей деревни. Но книги лишь повышают эрудицию и приобщают к культуре. Литература не научит жить. Не могу представить, как поведу себя, внезапно оказавшись среди людей. И есть ли вообще люди, или же этот мир действительно умер, и я вместе с ним, и лишь воображаю себя живой?

И нужны ли мне люди? Наверное, я вовсе не нуждаюсь в общении, поэтому и доверяю свои мысли бумаге, которая всё стерпит. Я не разговариваю минимум пять лет. Изредка, правда, пою песенки собственного сочинения, дабы убедиться, что голосовые связки еще в состоянии производить членораздельную речь. Могла бы молчать и дольше, но был инцидент, когда четыре дня не ела, не пила, не говорила – в общем, не открывала рот – за ненадобностью – на пятый день оказалось, что не могу разомкнуть губы, ибо они пересохли и чуть ли не срослись между собой. После этого губы потрескались и долгое время болели и кровоточили. Теперь, во избежание повторения данной истории, я пою. Но голос был настолько отвратительным, что соперничать с ним в мерзости могло только мое безобразное лицо. Как хорошо, что меня никто никогда не увидит. Такое уродство не должно было появляться на свет. А раз уж появилось... что ж, природа сама исправит свою ошибку.

А пока этого не произошло, я буду существовать, сводя жизнь к ожиданию, выживанию и псевдо-творчеству.

Где-то далеко за непроницаемой пеленой облаков солнце катилось по небосводу, совершая свой ежедневный путь с востока на запад. Я принесла дрова и хворост из коридора в

комнату, ближе к печке: на всякий случай. Я начинала топить печь, только когда температура воздуха в комнате опускалась ниже + 11: топливо нужно экономить, я физически не могла заготовить много дров: весь сухостой на ближайшей территории давно был пущен в топку, а чтобы рубить большие, серьезные деревья, моих сил попросту не хватало. Приходилось отправляться в походы за несколько километров и возить хворост в большой ручной садовой тачке. Рано или поздно ресурсы закончатся, и в одну прекрасную морозную зиму мы попросту обледеем. Но пока этого не произошло, надо экономить, ходить дальше... Вообще, если не бегать по дому босиком, можно и в +5 не замерзать. К тому же, при потеплении усиливалась странная вонь, витающая по дому. А проветрить можно было только через дверь, поскольку окно ни в какую не открывалось. Да и проветривание не помогало: дом наполнялся не свежим воздухом, а одним лишь холодом, влажным и вонючим.

Затем, надев сапоги и дождевик, взяв нож и вместительную сумку, я отправилась на промыслы. Шел сильный дождь, превращая глинистую дорогу, что вела к лесу, в вязкую хлябь. Дорога эта, по которой давно не ездили машины, не зарастала только по той причине, что дожди регулярно смывали верхний слой грунта в болотистую низину на обочине. Каждую весну дорога и вовсе соединялась с болотом.

Мне нравится поздняя осень и дождь. Выйдя на улицу, я чувствую единение с этой медленно умирающей природой. Мне не грустно. Это чисто, приятно, совершенно, неизбежно и прекрасно. Это так, будто мы с дождем одно целое. Он даёт мне силы и вдохновение, открывает глаза на то, чего не замечала раньше. Оказывается, материя – это только плёнка, отделяющая миры один от другого. Как стена дождя или густой туман, что препятствует видеть далеко. Но, шагая вперед, пусть даже на ощупь, взору открывается что-то новое и неизведанное, и, чем дальше вглубь – тем интереснее. Тот мир тёмный, населенный монстрами и по-настоящему мёртвый. Там никогда не взойдет солнце.

Находясь одновременно в обоих мирах, я не знаю, какому из них отдать предпочтение, и какой из миров бесповоротно мёртв: тот, где моё тело, или тот, где сознание. Если учесть то, что жизнь там, где движение, то оба мира были тождественны: движение отсутствовало и там, и там. Конечно, здесь сменяются времена года, природа обновляется, а где-то за пределами известной мне территории живут люди в городах, и там точно жизнь не стоит на месте. Но эта жизнь так расплывчата и далека, что ближе мне тот мир, по ту сторону, где вечная дождливая осень. Там легко и свободно. Страх начинался только дома...

Сегодня я по обыкновению обошла два холма – близнеца и овраг между ними. Добычей стали только грибы: сыроежки, волнушки, подберезовики и маслята, да еще пол литровая банка брусники. Ловушки пустовали, падали тоже не нашлось. Да, когда нечего есть, а охотиться не умеешь, не брезгуешь и дохлыми животными, особенно зимой – на морозе мясо долго не портится. Всё в принципе неплохо, я могла ничего не есть практически неделю, ничуть при этом не слабея: для поддержания жизненных сил хватало отвара из ягод, что мог долго храниться, не портясь. Мать так вообще нуждалась только в воде, лекарствах и бульонах. Плохо то, что в этом году лекарственные травы плохо уродились: высохли на корню из-за июльской жары. До следующего сезона сделанных запасов не хватит. Правда, кажется, травы давно уже не помогают, а делаю я эти лекарства чисто по инерции и ради успокоения совести.

Но есть ли у меня совесть? Есть ли что-нибудь доброе, человеческое? Я помню разных людей. Одни были веселыми, добродушными и отзывчивыми, но в равной степени, однако, попадались грубые, нечестные, эгоистичные. Не знаю, как оценивать себя, если рядом никого нет: примером служили персонажи книг, но и в книгах не находилось тех, на кого я была бы

хоть немного похожа или кому хотела бы подражать. Да и чувства, испытываемые героями романов, были мне непонятны. Что такое, к примеру, любовь, из-за которой в основном все беды? Зачем вообще ее, любовь эту, придумали, если от нее столько проблем? Да и что за бред: втрескаться с первого взгляда. Увидела – и всё, жить без него не можешь. А от безответной любви слёзы ручьями льют, а то и вовсе вешаются, в омут бросаются и пулю в лоб пускают – либо себе, либо сопернику. Куда проще не любить. Тебе никто не нужен – и ты никому не нужна. Никаких слёз и страданий. Свобода и независимость. Беспольное существование. Как одноклеточное. Не то что эмоций, а даже инстинктов нет. Как я. Правда, мне чего-то не хватает. Может, как раз таки любви. Только вот не смогу я полюбить. Слишком очерствело сердце. Если оно когда-нибудь было...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.